

Ея РОССО

Вчера меня не спало

Вчера меня не стало

Я вглядывалась в черты лица женщины, стоящей напротив меня. Где-то я ее уже видела. Но холодный блеск зеленых глаз, бесстрастное выражение лица, отблески медных волос, бликующие сквозь матовую завесу тумана, не позволяли понять увиденное. Тонкие губы, искривленные в легкой улыбке. Темная точка над верхней губой, похожая на некрупного паучка, приковывала внимание,.

На секунду я представила, как маленькая противная тварь перебирает лапками на коже, и меня передернуло от брезгливости. Не то, чтобы я боялась пауков, но все ползающие гады не вызывали во мне доверия. Мало ли, куда их занесет. Человеческое тело – большая многоходовка в плане отверстий. В них может зародиться что угодно.

Меня не отпускала мысль, что я смотрю и не вижу, упуская нечто важное. Осознание начало зарождаться где-то в центре солнечного сплетения, остро стукнув кулаком в подреберье. Сердце пропустило удар и забилося с бешеной скоростью. Кровь горячей лавой заплескалась в ушах.

Я медленно подняла правую руку, и притронулась пальцами к родинке на своей щеке. Эту не очень крупную отметину я любила: она добавляла шарма моей и без того харизматичной внешности. Внимательный взгляд и вовсе мог обнаружить на моей правой скуле созвездие Большой Медведицы. Точнее, сам ковшик без хвостика, спрятанный в россыпи более мелких родинок.

Одновременно со мной жест повторила и женщина напротив, торжествуя блеснув зеленую радужки, влажно пульсирующей в глубине странной полупрозрачной тьмы: поразительно живой, пружинящей чужим дыханием. Стремясь разглядеть незнакомку и разгадать мучавшую меня загадку, я невольно сделала шаг вперед и вздрогнула.

Улыбка дамы заиграла красками, губы приобрели темно-коралловый цвет, с тем едва заметным оттенком алого, что так нравился мне в помаде. Темнота колыхнулась и будто шагнула назад, позволяя мне разглядеть детали. Невозмутимая особа не сводила с меня глаз, стоя в какой-то арке причудливой формы, увитой плющом. Я прищурилась, вглядываясь в рисунок листьев, и снова подалась вперед, словно что-то манило меня из глубины отступавшей понемногу тьмы. Наши руки

синхронно упали низ, и я недовольно скривилась: дурацкая шутка начинала действовать на нервы.

Где-то глубоко-глубоко внутри бездонного колодца моих личных ужасов, фобий и боязни липкая мутная жуть приподняла голову и робко, словно пробуя на вкус, лизнула краешек моей души страхом. Я вдруг поняла, что тишина давит сильнее, чем взгляд особы напротив, копирующей каждый мой жест и движение. Раздражение противоядием выплеснулось наружу, заглушая панику и вызывая злость.

Стало светлее, и оказалось, что женщина стоит в проходе, заплетенном виноградной лозой с тяжелыми кистями ягод. Какая-то мысль назойливым комаром забилась в моей голове, судорожно выдавая ассоциативные картинки. Но ни одна из них не походила на виденное мной. А затем глаза выхватили некрасивый шрам, пересекающий лицо особы и я выдохнула: несмотря на безумную схожесть, молчаливая дама напротив не была мной. Она была моим... отражением.

«Точно, черт меня подери! - радостно забилось сердце в груди. – Это всего-навсего мое отражение! Я испугалась зеркала!»

Улыбка облегчения тронула мои губы, и матовая поверхность вернула мне ее обратно. «Но откуда шрам?» – колыхнулась жуть внутри. Я нахмурилась и протянула руку к мерцающей жемчужной пылью амальгаме. Я-отражение потянулось мне навстречу. Наши ладони встретились на перекрестье двух миров. Я осторожно прикоснулась пальцами к глубокой трещине не стекле и вздрогнула: мне показалось, что я дотронулась до уродливого шрама на человеческом лице. По странному совпадению скол на стекле с точностью повторял рисунок отметины, черной паутиной бегущей от правого виска через все женское лицо до подбородка на шею.

Где-то внутри меня щёлкнул дверной замок. Я вспомнила: вчера меня не стало.

Я стекла вниз по холодному зеркалу, за которым, торжествующе улыбаясь, стояло мое отражение. Прислонилась горячим лбом к стеклу и застыла. Память ледяными волнами накрыла разум, выжигая остатки чувств.

***

Я умерла спустя секунду после того, как перестало биться сердце

моего ребенка. Пьяный водитель, потерявший управление, влетел на детскую площадку, и мой мальчик просто ушел.

Вечность в ожидании скорой. Ватные коридоры больницы. Темнота и запах смерти. Смерть пахла мимозой.

Я больше не люблю мимозу.

Чёрное зевó могилы. Руки мужа, поддерживающие меня на краю. Меня больше нет, но никто этого не видит. Пустая оболочка. Шелуха. Тело без души. Кукла с мертвым глазами. Сколько времени прошло с тех пор?

Не помню.

Муж... Красивый мужчина немного за тридцать. Его волосы полиняли в ту ночь, когда мы стояли, обнявшись, у ворот в ад. У белых дверей операционной. Демоны в бирюзовом сочувствующе взмахнули крыльями, забирая моего мальчика в зазеркалье.

Я больше не люблю бирюзовый. Я полюбила бездушную гладь стекла.

«Открой зеркала», - девять ночей шептал чей-то голос во сне. И я сдалась, не в силах сопротивляться. Отраженная реальность, заключённая в серых омуты, вернула мне сына. Это было так просто.

Его залиvistый смех. Улыбка. Взгляд. Голос. Но этого было мало.

День за днем я вжималась всем своим мертвым телом в прозрачную дверь зазеркалья, в надежде прикоснуться к своему малышу. Вновь ощутить его тепло и сладкий запах молока и меда. Вглядывалась в серый туман за его спиной, мечтая увидеть дорогу, по которой он каждое утро возвращался в наш дом, чтобы на закате покинуть его.

Однажды муж уничтожил все переходы в зазеркалье. Впервые после точки невозврата я ощутила себя живой: утробно рыча, я проклинала человека, которого любила когда-то. Второй раз мой сын умер у меня на глазах, убитый родным отцом.

Собирая осколки, я всматривалась в раскромсанные перекрестья дорог, в надежде увидеть моего мальчика. Но видела только свое искаженное ужасом лицо и неподвижный густой туман. С каждым пустым осколком зеркало моей души тускнело все больше, забирая остатки счастливой когда-то жизни.

Муж ушел. Входная дверь щелкнула, отрезая путь назад.

Я собирала стекла голыми руками, окропляя их своей горячей кровью. Амальгама пузырилась на кончиках пальцев, но я не чувствовала боли. Где-то на гранях зазубренного стекла мелькнул вихрастый затылок, и я пошла за ним по разбитым стеклам своей мертвой жизни.

Зеркало в прихожей. Его мы купили, когда до рождения нашего мальчика оставались считанные дни. Красивое, в пол, в причудливой раме. Оно треснуло, когда взбешённый мужчина убивал меня, топча каблуками мертвое сердце. Но когда он ушел, в арке из виноградной лозы стояла, держа за руку моего малыша, женщина. Такая, какой я себя уже не помнила: красивая, статная, сильная. Любящая и любимая.

***

Я-отражение прикоснулось рукой к трещине, тонкой паутинкой разрезающей моё-её лицо.

Я-реальная потянулась навстречу. Наши ладони встретились на перекрестье двух миров.

Меня замутило: пальцы окунулись в открытую резаную рану, горячую и пульсирующую жизнью. Я дернулась назад, убираясь прочь от стекла. Тонкая темно-серая живая паутинка, похожая на ртуть, потянулась следом. Я поднесла свои руки к глазам, изумленно наблюдая за тем, как странное вещество нежно облегает каждый мой пальчик, ладонь, облегает кисти подобно лайковой перчатке.

Зажмурилась. Замерла. Встряхнула руками. Распахнула ресницы. Но живая субстанция продолжала покрывать мою кожу тонким налетом сероватого воска. Я подняла глаза и впилась взглядом в своего почти двойника.

Женщина в зеркале победно улыбалась. Серый туман отступал. Мир зазеркалья постепенно насыщался красками, будто заря поднималась по ту сторону стекла, озаряя все своими живительными лучами.

И я вспомнила.

«Не крутись долго у зеркала, внучка. Не разговаривай со своим отражением. Не поднимай осколки голыми руками. Не смотришь в треснувшее зеркало, себя потеряешь. Не выкидывай разбитое зеркало без воды и молитвы. Не покупай старинных зеркал...»

Бабушкины «не» последними каплями жизни перетекали по

паутинкам от меня к женщине за стеклом.

Но теперь я была отражением. Темно-серая амальгама поглотила все мое тело. И затухающим взглядом я смотрела вслед самой себе.

Она встретила моего мужа приветливой улыбкой в легком весеннем плаще, не скрывающем аккуратный животик. И не позволила ему даже глянуть в сторону старинного зеркала в тяжелой черной раме, увитой виноградной лозой.

Они уходили вдвоем - красивые и счастливые - в яркую долгую жизнь рука об руку.

Я умирала за темным бездушным полотном. Мертвая тишина убивала остатки моей души, отдавая последние краски свободному отныне отражению.

Последний раз я взмахнула ресницами и стала Зеркалом.

Зеркалом Одержимых Душ. Зеркалом Прошлого. Зеркалом Зла.

Зеркалом без отражения.

Но однажды мне захочется стать счастливой...

Конец